

АННА
АНИКИНА

ВАЛЬС
В ПОЛОСЕ
ПРИБОЯ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
А67

Аникина А.

А67 Вальс в полосе прибой / А. Аникина — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 156 с. (Танцующие)

ISBN 978-5-521-89979-1

Танцоры бывшими не бывают. Даже если прошло уже много лет. Танцевальная юность ворвется во взрослую жизнь Кати и Артёма, меняя ее привычное течение. Сбудутся мечты. И окажется, что ещё совсем не поздно начать всё самого начала.

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-89979-1

© Анна Аникина, текст, 2023
© Зоя Сарина, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ

Каждое лето появлялись эти видео. Пара танцует в полосе прибоя. Босиком.

Он в белых подвёрнутых штанах. Она в лёгком платье, подол которого намок от морских брызг. Красивые. Лёгкие.

Молодые. Иногда влюблённые. Иногда изображающие влюблённость, как это умеют делать танцоры-бальники.

А ей в том году исполнилось сорок два. Нет, она не выглядела на свой возраст. И умела танцевать. Море было в наличии. Вот же, прямо за поворотом. Его было видно из её окна. И песок на пляже был. Танцуй — не хочу.

Она хотела. Чего именно?

Быть настолько свободной изнутри, чтобы станцевать. И не испугаться, что талия уже не такая тонкая, и щиколотки не изящные. И ещё сотни таких незначительных для других, но существенных для неё вещей.

Самолёт набирал высоту. Взлетал прямо над морем и пляжами.

На следующий год ей будет сорок три. Есть год, чтобы позволить себе это — вальс в полосе прибоя.

ГЛАВА 1

Они со Звонарёвой встретились у метро. Лена ехала с работы. Катя бросила свою машину в ближайшем дворе. Вместе пошли к школе. Обе жили теперь не в этом районе. Но каждая тропинка тут была хожена их детскими ногами сотни и тысячи раз. Деревья вот только разрослись. И вот того дома раньше не было. Пятиэтажку, жаль, снесли. И каток, где они проводили все свободные зимние дни.

Школа внешне не изменилась. Окна светились. Только теперь жалюзи в классах, отметила про себя Катя.

На крыльце курили и вчерашние школьники, и пузатые седые дядьки, закончившие школу тридцать лет назад.

Среди дядек отыскался сразу Ванька Лозовой — всё такой же высоченный и нескладный. Сгрёб их с Ленкой в охапку.

— Девочки, какие же вы красивые!

Юные мальчишки обернулись в поисках красивых девочек. Обнаружили двух тёток, годящихся им в мамы. Мгновенно потеряли интерес.

Лозовой потащил их с Леной внутрь. Его мама всё ещё работала в школе педагогом-организатором.

В фойе стояли столы, за которыми регистрировались приехавшие на школьный юбилей выпускники.

— Наш год там, — Иван махнул куда-то вправо.

За столом с надписью «1991–1995» сидела девочка-старшеклассница.

— Фамилия, под которой Вы учились, пожалуйста.

— Агапова Екатерина.

— А сейчас какая у Вас фамилия?

— Агапова. И сейчас тоже.

Катя поймала Ленкин взгляд. Та ещё ничего не знала.

— Я больше не Вершинина, Лен. Мадам Вершинина пусть будет одна. А дети уже взрослые.

Меньше всего Кате хотелось думать сейчас о причинах возврата девичьей фамилии. Она и на школьный юбилей согласилась пойти, чтобы отвлечься. Чтобы школьное прошлое немного сторело её.

По плану мероприятия сначала была торжественная часть в зале, потом неформальное общение в классах и столовой. И дискотека. Этот порядок проведения встреч выпускников не менялся, кажется, с тех времен, когда они сами тут учились.

Они прошли по длинному коридору, соединяющему два школьных корпуса, к актовому залу. Здоровались с учителями. Принимали комплименты. Да, обе и правда не выглядели на свои «за сорок».

Зашли в зал, застыли на пороге в поисках мест. Свободные нашлись почти у стены. Близко к сцене.

Со своего места поднялся фундаментальный Лёша Самойленко — в их пору первый красавец школы, ловелас и гитарист. А по совместительству однокурсник Вадима Вершинина, не к ночи будь он помянут.

Самойленко махнул им рукой, мол, давайте сюда. Лёша и высокий медно-рыжий парень рядом с ним подвинули стулья для Кати и Лены. Уселись. Мужчины чуть сзади. Агапова со Звонаревой впереди. Ленка крутила головой. Искала своих.

Катя подумала, что рыжего парня она не знает. Ей всегда нравился такой типаж. Смешно, но он напоминал ей Людвига Четырнадцатого из фильма «Рыжий, честный, влюблённый». Тёмная медь волос, стильная стрижка. Тёмные брови и веснушки. Такие чёткие. А не как у неё — пятнышками.

Торжественные речи директора и завуча сменились концертными номерами.

Катя пыталась прислушиваться к своим ощущениям. Здесь всё было знакомым. Как будто только вчера они развешивали по этим стенам воздушные шары перед своим Последним звонком. И всё же времени прошло много. Целая жизнь.

В зале было прохладно. Отопление ещё не включили. Катя зябко поежилась. Угораздило же её надеть это платье с открытыми плечами. Но на свежем загаре уж больно хорошо оно смотрелось.

За спиной кто-то шумно выдохнул. Катя передернула плечами ещё раз. Так само вышло. Ещё через пару секунд ей на плечи лёг мужской пиджак.

У Кати перехватило дыхание. А когда она снова смогла дышать, её окутало тепло и мужской аромат. Ненавязчивый. Но явный. Холодный, тонкий.

Ещё несколько секунд она провела, не выныривая из ощущений. Потом всё-таки откинулась на спинку кресла и обернулась влево. Её затылок оказался почти на мужском плече.

«Рыжик» смотрел на неё внимательно. Глаза у него оказались ярко-серыми в обрамлении длинных тёмных ресниц.

— Так вы что, вместе? — развернулся к ним всем корпусом Самойленко.

— Да, — уверенно ответил парень.

— Нет, конечно, — опровергла Катя.

«Рыжик» удивлённо поднял брови.

— Почему?

Катя откинулась на его плечо ещё больше.

— Если бы мы были вместе, я бы тебе уже пятерых родила бы, — одними губами ему в ухо.

И резко оторвалась от его плеча, села ровно.

— Ты ж, Лёша, не снял для меня свой пиджак, — поддразнила она Самойленко, у которого глаза, казалось, сейчас на лоб вылезут.

Катя смотрела прямо, не отводя взгляд. Тот поспешно повернулся к сцене.

Лена смотрела в другую сторону. Туда, где рядом с их биологичкой сидел Коля Борисов, Ленкина школьная любовь.

«М-да, влипла ты, Агапова, по самое не балуйся. Мальчик ни в чем не виноват. Разве можно было от него ожидать такой реакции? Нечего развлекаться за его счёт! Самойленко растреплет про пиджак. Привык, что девки перед ним в штабеля сами укладываются. На сколько ж этот рыжий моложе? Я ж его не помню в школе. Надо же... Взять и про-

сто согреть незнакомую женщину... Дура ты, Агапова! Ой, дуууураааа! Ты ему зачем про пятерых сказала? Поиграть захотелось? А о нём подумала? Ведёшь себя, как заправская роковая женщина. И откуда только взялось?» — мысли неслись в голове с бешеной скоростью.

И только ровное тепло, мягкая дорогая ткань на плечах создавали сейчас удивительное ощущение правильности происходящего. Всё так, как должно быть. Как будто она дома.

Катя покосилась влево. На спинке кресла, рядом с её плечом лежали сцепленные в замок мужские ладони.

«У этого рыжего ещё и руки красивые. Блииин! И пальцы длинные, ладони сильные. Ёлки-палки! Где таких мужиков делают? И кольца нет. Впрочем, Вадим тоже не носил кольцо. Это ещё ни о чем не говорит».

Кате вдруг захотелось снять туфли и поджать под себя ноги. Она тихо освободила ступни, забралась под пиджак целиком. Ох, если бы можно было сидеть так вечность! В углу зала. Под тёплым мужским пиджаком. Катя почувствовала себя лет на двадцать моложе. Ещё не хватало сейчас расплакаться. Слёзы были близко-близко. Она подавила жалобный всхлип.

Мужские ладони мгновенно переместились со спинки кресла на её плечи. Придвинули её к спинке.

— Не плачь, пожалуйста, — хриплый шёпот ей на ухо, — Мне сейчас хочется тебя отсюда вынести.

Катя стала пунцовой. Боже мой! Взрослая тётенька! Доигралась! Сбежать бы, что ли...

Звонарева поймёт. Ей сейчас вообще никто кроме Борисова не интересен.

Если Коля увидит Ленкиного сына Юрика, у Звонаревой нет шансов остаться в живых. Только такая упрямица как Ленка могла скрывать сына от отца.

Хотя... Сколько таких историй. Убедить Ленку рассказать Коле о сыне Агапова не могла уже пятнадцать лет.

Концерт неожиданно закончился. Катя опомнилась. Её скорости сейчас мог позавидовать любой солдат. Какая там горящая спичка! Пара секунда, чтобы скользнуть ногами в туфли, и ещё одна, чтобы выпасть из тепла пиджака. Ещё десять, чтобы выскочить из зала, и столько же, чтобы скатиться по лестнице.

На школьном крыльце она замешкалась. Соображала, где оставила машину. Бегать на высоких каблуках Агапова умела с детства. Она ещё и танцевать могла на десяти сантиметрах.

Он догнал её почти у калитки. Катя его почувствовала мгновением раньше. Запах почуяла. Она всегда воспринимала запахи очень ярко.

Действительно высокий. Длинные ноги, широкие плечи. Спортсмен, что ли...

— Катя, стой.

— Ты меня знаешь?

ГЛАВА 2

У рыжего даже дыхание не сбилось, будто ему и бежать не пришлось, пиджак он держал в руке. Только крылья носа раздувались, выдавая напряжение. Он опередил Катю, не дал открыть калитку.

— Не убегай, пожалуйста. Прости меня.

— Тебя? За что? — Катя остановилась, бессильно опустила руки. Ей было холодно. Кожа горела, озноб бил, — Откуда ты меня знаешь? — повторила она свой вопрос.

— Тебя все знают, — пожал плечами парень, — Твои фотографии по всей школе висели. На доске почёта. И на стенде «Школьный актив». Особенно мне нравились те, что с показательных выступлений. Там, где ты в белом платье. И подписаны были «Агапова Екатерина». Я пока учился, успел разглядеть, — он вдруг широко улыбнулся.

Действительно, как она могла забыть про эти фотографии? На всех показательных выступлениях её фотографировали в бальных платьях.

— Ты опять мерзнешь, пойдём внутрь, — протянул ей пиджак.
